

РЕГУЛЯТИВНАЯ ФУНКЦИЯ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОИСК НОВЫХ ОРИЕНТИРОВ

УДК 158.942 : 009

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-6-14>

В.С. Слепокуров

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Россия

e-mail: slepokurov.v@yandex.ru

Аннотация: Автор исследует регулятивную функцию культуры в современной России в контексте государственной культурной политики. В качестве эмпирического материала проанализирована Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года. Методика исследования опирается на культурологическую атрибуцию наиболее существенных рисков культурного развития в рамках предпринятой в стратегическом документе типологии вероятных сценариев. Инерционный сценарий реализации государственной культурной политики выглядит наиболее реальным. Однако он остается наиболее затратным и наименее рентабельным, поскольку не гарантирует возврата государственных инвестиций в форме обеспечения единства и культурного суверенитета российского общества. Переход к новой модели культурной политики, подразумевающей её многосубъектность, не исключает планомерного централизованного характера инфраструктурных преобразований. Ведущим ориентиром культурной политики является задача создания условий для обмена положительным опытом и коллабораций деятелей культуры всех возможных форм созидания национального культурного продукта.

Ключевые слова: культурная политика, регулятивная функция культуры, самоорганизация культуры, стратегия культурной политики, культурологическая атрибуция, российская культура.

Для цитирования: Слепокуров В.С. Регулятивная функция культуры в современной России: поиск новых ориентиров // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4 (108). С. 6-14. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-6-14>

THE REGULATORY FUNCTION OF CULTURE IN MODERN RUSSIA: SEARCH FOR NEW REFERENCE POINTS

Vitaly S. Slepokurov

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

e-mail: slepokurov.v@yandex.ru

СЛЕПОКУРОВ ВИТАЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ – первый проректор, проректор по учебно-методической деятельности, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт культуры
SLEPOKUROV VITALY SERGEEVICH – First Vice-Rector, Vice-Rector for Educational and Methodological Activities, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State Institute of Culture

© Слепокуров В.С., 2022

Abstract: The author explores the regulatory function of culture in modern Russia in the context of state cultural policy. As an empirical material, the Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030 is analyzed. The research methodology is based on the culturological attribution of the most significant prospective risks of cultural development within the framework of the typology of probable scenarios undertaken in the strategic document. The inertial scenario for the implementation of the state cultural policy looks the most realistic. However, it remains the most costly and least profitable, since it does not guarantee the return of public investment in the form of ensuring the unity and cultural sovereignty of Russian society. The transition to a new model of cultural policy, which implies its multisubjectivity, does not exclude the planned centralized nature of infrastructural transformations. The leading reference point of cultural policy is the task of creating conditions for the exchange of positive experience and collaborations of cultural figures of all possible forms of creating a national cultural product.

Keywords: cultural policy, regulatory function of culture, self-organization of culture, strategy of cultural policy, cultural attribution, Russian culture.

For citation: Slepokourov V. S. The regulatory function of culture in modern Russia: the search for new landmarks. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 4 (108), pp. 6-14. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-4108-6-14>

Современная ситуация характеризуется турбулентностью процессов во многих сферах жизнедеятельности общества: ростом неопределенности, усилением рисков и угроз [8]. Теоретики как в России, так и за рубежом обращают внимание на ускорение течения социального времени, обуславливающее усиление неопределенности [10; 16; 17]. В связи с чем поиск новых точек опоры и ориентиров, позволяющих с уверенностью смотреть в будущее, планировать и осуществлять деятельность, требующую коллективных усилий, актуализируется как важнейшая управленческая задача. Обостряется необходимость целерационального использования одной из фундаментальных функций культуры – способности посредством нормативных систем регулировать общественные отношения, долгосрочно предопределять тенденции общественного развития.

Рассмотрим регулятивную функцию культуры в современной России в контексте государственной культурной политики.

Объект нашего внимания, государственная культурная политика¹, является одним

из элементов нормативной системы современной российской культуры. Особая специфика документов государственного стратегического планирования состоит в определении общих целей и задач. Фундаментальная цель – преодоление общих угроз – диктует наиболее актуальные задачи, решение которых нормирует взаимоотношения субъектов культурной политики. Успешность государственной политики определяет не масштаб отдельного её субъекта, а консолидация субъектов различного уровня и масштаба, – синергетика общих усилий. Так устанавливается наивысшая ценность стратегического документа, его нормирующая, регулятивная функция: он устанавливает ориентиры достижения наибольшего синергетического эффекта в развитии общественных отношений. В ус-

---

2020 годы, «Информационное общество (2011–2020 годы)», «Внешнеполитическая деятельность», «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы, «Развитие образования» на 2013–2020 годы, Концепции долгосрочного развития театрального дела в Российской Федерации на период до 2020 года, Концепции развития циркового дела в Российской Федерации на период до 2020 года, Концепции развития образования в сфере культуры и искусства в Российской Федерации на 2008–2015 годы, Концепции развития концертной деятельности в области академической музыки в Российской Федерации на период до 2025 года и др.

¹ Основы государственной культурной политики, Стратегия государственной культурной политики России на период до 2030 г., государственные программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013–

ловиях усиления турбулентности социальных процессов и асинхронии течения социально-го времени нацеленность каждого субъекта культурной деятельности на решение общих злободневных задач является единственно возможной стратегией преодоления кризиса атомизации общества.

Необходимо рассмотреть, каким образом регулятивная функция культуры в современной России снижает обозначенные риски. К примеру, как один из значительных рисков, связанных с тенденцией нарастания гуманитарного кризиса, в Стратегии обозначена «атомизация общества», означающая риск разрыва устойчивых «социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежения к правам других». В этом смысле стратегический документ в плане описания основной функции культуры в полной мере согласуется с передовыми позициями деятельностного, системного и ценностно-нормативного подходов отечественной теории культуры [7; 9; 14]. Поэтому Стратегию государственной культурной политики России на период до 2030 года [11] рассмотрим в качестве основного эмпирического документа, позволяющего определить основные точки опоры и ориентиры культурного развития российского общества на текущий момент.

Методика исследования опирается на культурологическую атрибуцию наиболее существенных перспективных рисков культурного развития в рамках предпринятой в Стратегии типологии вероятных сценариев. Поскольку этот исключительно культурологический метод остается не в достаточной степени отрефлексированным, отметим, что его выделяет в рамках культурологической типологизации А. Я. Флиер [12; 13] и развивает Г. В. Бакуменко [1; 2; 3]. А. Я. Флиер в целом выделяет культурологическую («культурную») атрибуцию – как метод фиксации распределенности свойств культурной системы на составляющих её элементах. Г. В. Бакуменко разграничивает, с одной стороны, повседневную культурную атрибуцию – как практику доопытного отбора инструментов

деятельности по распределенности в их совокупности необходимых для деятельности свойств и, с другой стороны, культурологическую – как теоретический, метатеоретический и междисциплинарный метод, преимущества которого раскрываются в установлении неочевидных культурных порядков.

Безусловно, общепризнанные статистические методы обработки данных, лежащие в основе Стратегии государственной культурной политики России, позволяют точнее представить текущую ситуацию и прогнозировать развитие перспективных тенденций. Между тем культурологическая атрибуция позволяет устанавливать неочевидные связи элементов культурной системы, а следовательно, (хоть и менее точно, т. е. в общих чертах) интерпретировать причинно-следственную логику происходящих изменений.

Так, к примеру, в теории и практике управления качеством распространен прием предварительного анализа системы управления организации для определения критических точек несоответствия её деятельности стратегическим целям, предшествующий детальному погружению в проблему, а также – дальнейшему организационному аудиту и реинжинирингу. Сошлемся на высказанную Г. В. Бакуменко мысль: «От культурологической атрибуции происходящих в современных культурах изменений на различных уровнях (индивидуальный, организационный, институциональный, национальный, межнациональный) и в различных сферах деятельности зависит скорость социокультурного развития общества: с одной стороны, – скорость его адаптации к изменениям, а с другой – способность, сохраняя и усиливая свою системную сложность, созидать новое и обуславливать посредством инноваций процессы, поддающиеся контролю и управлению» [1, с. 57]. И выскажем вполне обоснованное предположение, что культурологическая атрибуция позволяет более оперативно реагировать на происходящие изменения, определяя критические точки развития, требующие дальнейшего детального анализа. Особенно

очевидно обозначенное преимущество нового метода в непосредственно оперативной работе отдельного субъекта культурной деятельности, когда исчерпывающая необходимая статистика еще не собрана, а принятие оперативных решений требует научно-методических оснований. Представляется, что в условиях усиления турбулентности социокультурных процессов это преимущество культурологической атрибуции происходящих изменений – оперативность реагирования – весьма существенно.

Необходимо отметить, что Стратегия государственной культурной политики России до 2030 года (далее – Стратегия) опирается на потенциал регулятивной функции культуры в плане формирования и укрепления гражданской идентичности, обеспечения единства российской нации, сохранения единства культурного и языкового пространства народов Российской Федерации. В документе культура понимается не как отрасль услуг, а как область общих интересов, обеспечивающих системную целостность общества. Соответственно, она оказывается непосредственно связана с государственным суверенитетом и способностью общества отстаивать свои коллективные интересы перед лицом перспективных рисков и угроз.

В Стратегии четко обозначены наиболее опасные для перспективного развития России проявления назревающего гуманитарного кризиса (для удобства анализа присвоим им цифровые обозначения):

- (1) снижение интеллектуального и культурного уровня общества;
- (2) девальвация общепризнанных ценностей и искажение ценностных ориентиров;
- (3) рост агрессии и нетерпимости, проявление асоциального поведения;
- (4) деформация исторической памяти, негативная оценка значительных периодов отечественной истории, распространение ложного представления об исторической отсталости Российской Федерации;

- (5) атомизация общества – разрыв социальных связей (дружеских, семейных, соседских), рост индивидуализма и пренебрежение к правам других.

Сложность представляет тот факт, что стратегия государственной политики является лишь одним, хоть и существенным, нормирующим фактором социокультурного развития. Остальные регулятивы культурной системы (мораль, традиции, обряды, обычаи, образцы поведения и пр.) могут либо стимулировать реализацию стратегических нормативов, либо, напротив, тормозить процесс достижения поставленных целей вплоть до невозможности решения отдельных запланированных задач в реальной ситуации конкретного региона нашей великой страны. Учитывая многофакторность социокультурного развития, культурные особенности регионов и оставаясь взвешенным документом Стратегия предполагает три сценария перспективного развития: инерционный, инновационный и базовый.

Хотя инерционный сценарий в целом не предполагает существенного ухудшения зафиксированного положения (2014), в регионах и муниципальных образованиях он сопровождается оптимизацией культурных учреждений (в первую очередь в сельской местности), предполагая региональную обеспеченность организациями культуры в соответствии с социальными нормативами лишь на 40 %. При этом «доля региональных объектов культурного наследия, находящихся в руинированном и неудовлетворительном состоянии, будет увеличиваться, региональные диспропорции будут сохранять тенденцию к росту, продолжится отток профессиональных кадров из села и малых городов в центральные регионы» [11, с. 20–21].

Для наглядности результаты культурологической атрибуции наиболее существенных рисков инерционного культурного развития представим в виде таблицы (см. Таблица 1).

Вполне очевидно, что, за исключением естественного физического износа культурной инфраструктуры и объектов культурного

Тенденции	Риски
Сохранение основных тенденций в культурной сфере, проблем и уровня финансирования	1, 2, 3, 4, 5
Нехватка средств и механизмов для достижения качественных, количественных и инфраструктурных изменений, предусматриваемых Основами государственной культурной политики	1, 2, 3, 4, 5
Сокращение численности занятых в сфере культуры к 2030 г. на 12–15 %	1, 2, 3, 4, 5
Физический износ культурной инфраструктуры и объектов культурного наследия, ухудшение состояния объектов культурного наследия вплоть до их невосполнимой утраты	1, 2, 4
Оптимизация (сокращение) объектов культурной инфраструктуры	1, 2, 3, 4, 5
Отток профессиональных кадров из села и малых городов в центральные регионы	1, 2, 3, 4, 5

Таблица 1. – Культурологическая атрибуция рисков инерционного развития

наследия, все намеченные тенденции провоцируют усиление риска гуманитарного кризиса. Инерционный сценарий предполагает сохранение основных тенденций в культурной сфере относительно проблем и уровня финансирования. В связи с чем встает уместный вопрос: если прежде были созданы предпосылки для усиления наиболее опасных рисков назревающего гуманитарного кризиса, насколько соответствует культурная политика регионов основной задаче государственного стратегического планирования – преодолению общих угроз?

Прокомментируем, к примеру, тенденцию сокращения численности занятых в сфере культуры к 2030 г. на 12–15 %. Без дополнительной информации серьезность риска развития и усиления этой тенденции не очевидна.

Отечественные и зарубежные аналитики выделяют отдельную отрасль культурных индустрий [5; 6; 18]. По статистике ЕС, к примеру, в 2002 г. количество предприятий креативной индустрии в европейских странах превышало в 8,6 раз количество предприятий машиностроения, в 44,4 раза – химической промышленности, в 82,8 – автомобилестроения, в 93,7 – энергетики [5, с. 13]. Уровень занятости европейцев в культурной индустрии свидетельствует, с одной стороны, о трансформации европейской экономики [15], а с другой – указывает на источник куль-

турного доминирования Запада. Флагманами культурной экспансии являются крупнейшие транснациональные компании ИТ и медиа (Apple, Amazon.com, Samsung Group, AT&T, Alphabet и др.) [5, с. 23], успешно соперничающие «с ведущими державами за перераспределение ресурсов человеческого капитала, преуспевая в интеллектуальной сфере» [4, с. 281].

Таким образом, пессимистический прогноз снижения занятости россиян в сфере культуры на 12–15 % предполагает значительное усиление к 2030 г. внешней культурной экспансии. Если уже к 2014 г. она представляла собой значительную внешнюю угрозу [11, с. 7], то какова её сила станет при изменении ситуации в худшую сторону? Ведь регулятивная функция культуры не предполагает директивного наращивания культурного производства в сжатые сроки. Этот ресурс накапливается поколениями при условии постоянного сохранения и актуализации имеющегося культурного наследия, а не ухудшении его состояния вплоть до невосполнимой утраты. Проще увеличить производство в сфере ИТ или аэрокосмической отрасли, нежели наверстать упущенное в культуре.

Каковы же могут быть ориентиры для преодоления риска осуществления пессимистических прогнозов?

В положениях Стратегии заложено определяющее базовое отличие современной модели культурной политики от её аналога со-

ветского времени. Стратегический документ утверждает многосубъектность современной модели: «В Российской Федерации (в отличие от советской модели культурной политики, в которой государство являлось ключевым и часто единственным субъектом культурной политики) существует закрепленное нормами права многообразие субъектов культурной политики» [11, с. 16]. За счет многосубъектности предполагается значительное увеличение инвестиций в область культуры и усиление в этом направлении государственно-частного партнерства. С одной стороны, предложенная модель соответствует задачам диверсификации рисков и реинжиниринга системы управления, предполагая формирование многоканальной системы финансирования культуры. С другой – она содействует расширению участия населения в культурном производстве. На последнем аспекте следует акцентировать внимание.

Со ссылкой на базовое законодательство, под субъектами государственной культурной политики в Стратегии понимаются не только субъекты Российской Федерации, но и любой деятель культуры, включая меценатов и волонтеров. Базовый и инновационный сценарии реализации Стратегии предполагают значительное увеличение участия россиян в культурном производстве. Особое внимание уделено качеству культурного продукта, который противопоставлен низкопробной продукции массовой культуры потребительского общества. Соответственно, любая культурная деятельность, нацеленная на производство и пропаганду уникального отечественного продукта уровня мировой художественной культуры, наделяет субъекта этой деятельности статусом субъекта государственной культурной политики. Здесь возникает, по меньшей мере, два существенных вопроса, связанных с оценкой качества культурного производства.

Первый вопрос носит организационный характер.

В этом году, как известно, серьезному испытанию подверглась вся отечественная наукоемкая промышленность в силу беспреце-

дентных ограничений в индустрии трансфера технологий. И сразу же стала вполне очевидной пагубность ориентации в оценке качества научных исследований на зарубежные институты научно-технической информации. Министерство образования и науки, взаимодействуя с Российской академией наук, принимает сегодня шаги по восстановлению отечественной системы контроля качества исследований для обеспечения технологического суверенитета страны.

Ситуация в культуре в этом отношении менее очевидна. Но она в определенной степени гомогенна ситуации с качеством научного знания, которое наряду с другими формами культурных продуктов является неотъемлемой составной частью культурного наследия. Следует обратить внимание на слабость российских общественных институтов оценки качества культурного продукта. Наряду с восстановлением отечественного института качества научных исследований необходимо ставить задачу и о восстановлении или реинжиниринге института обеспечения культурного суверенитета страны.

Из организационного вопроса вырастает и вопрос компетенции подобного института.

Опыт советского времени вакцинировал российскую художественную жизнь прививкой от цензуры, однако не следует предаваться иллюзии о невозможности рецидива. Наблюдая очевидную необходимость института контроля качества культурного продукта, подчеркнем исключительно компетентностную его природу: он может быть организован по типу института публичного научного рецензирования, исключая саму возможность чиновничьего произвола в области социокультурной, просветительской и художественной деятельности. Речь идет о совершенно ином уровне фестивально-выставочного движения, когда высокие достижения деятеля культуры на выставках и фестивалях становятся основанием для оценки качества культурного продукта и принятия управленческих решений, а не наоборот.

Подытоживая, отметим...

Во-первых, хотя инерционный сценарий реализации Стратегии и выглядит наиболее реальным в ситуации усиления неопределенности, он остается наиболее затратным и наименее рентабельным, поскольку не гарантирует возврата государственных инвестиций в форме обеспечения единства и культурного суверенитета российского общества. Реализация инерционного сценария, по существу, означает вложение инвестиций в усиление риска гуманитарного кризиса. Рентабельнее выглядит организация институтов контроля качества региональной культурной политики и усиление постоянно действующего института повышения квалификации работников сферы культуры, которые обеспечивали бы в каждом регионе если не инновационные, то хотя бы базовые показатели культурного развития.

Во-вторых, несмотря на вполне обоснованный переход к новой модели отечественной культурной политики, подразумевающей её многосубъектность, инфраструктурные преобразования могут и должны носить планомерный централизованный характер, исключая произвол и низкий уровень компетенции управления культурой на местах. Расширяя многоканальность в финансировании культуры, следует ставить вопрос о необходимости общественного компетентного института контроля качества культурного продукта, обеспечивавшего бы культурный суверенитет государства и его регионов, а также – эффективность государственных инвестиций в эту область.

Обратим внимание также, что регулятивная функция культуры не реализуется сама по себе. Культура не является запрограммированной машинерией. Она зависит от живого участия человека, от его созидательной творческой деятельности. В современной России остается не в полной мере востребован потенциал инициативной художественной, просветительской и социокультурной деятельности. Наряду с пользующимися господдержкой организациями культуры существуют малые творческие коллективы, театры, частные музеи и галереи. Эти малые коллективы, ориентированные исключительно на энтузиазм и меценатство небольших социальных групп, решают порой задачи культурной политики гораздо эффективнее, нежели обладающие организационными и финансовыми ресурсами государственные учреждения культуры. Следовательно, ведущим ориентиром является задача создания условий для обмена положительным опытом и коллабораций деятелей культуры всех возможных форм созидания национального культурного продукта. Тогда, вероятно, можно будет ставить вопрос не о доли участия культуры в валовом внутреннем продукте, а наоборот – о доли ВВП в отечественной культуре. Тогда, вероятно, и вопрос о чужеродной культурной экспансии потеряет свою актуальность ввиду крепкого культурного суверенитета страны и населяющих её народов.

Список литературы

1. Бакуменко Г. В. Междисциплинарный потенциал культурологической атрибуции // Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии МПГУ. Москва, 2022. С. 50–61.
2. Бакуменко Г. В. Метатеоретический аспект культурологии // Культурное наследие – от прошлого к будущему. Москва, 2021. С. 39.
3. Бакуменко Г. В. Ценностная динамика символов успеха: на материале статистики кинопроката. Москва: Сам Полиграфист, 2021. 276 с.
4. Бакуменко Г. В., Лугинина А. Г. Виртуализация социокультурного фронта «Tertius Romae» // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 1 (25). С. 265–293.
5. Культура и культурные индустрии в РФ 2016–2018: Результаты комплексного исследования / Е. Сафронов, Н. Галиулова, А. Тихонов [и др.]. Москва: InterMedia, 2019. 42 с.

6. Культура и культурные индустрии в РФ: аналитика 2018–2020. Результаты комплексного исследования / Е. Сафронов, Н. Галиулова, А. Тихонов [и др.]. Изд. 6-е, испр. и доп. Москва: InterMedia, 2020. 88 с.
7. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / А. Ф. Андреев, И. В. Бернацких, А. С. Богданов [и др.]. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2021. 604 с.
8. Путин заявил о возрастании турбулентности геополитических процессов [Электронный ресурс] // Известия, 23 июня 2021. URL: <https://iz.ru/1182870/2021-06-23/putin-zaiavil-o-vozhrastanii-turbulentnosti-geopoliticheskikh-protcessov>
9. Региональная культурная политика: Методология, институты, практики (Ценностно-нормативный подход) / И. И. Горлова, Т. В. Коваленко, А. В. Крюков [и др.]. Москва: Институт Наследия, 2019. 206 с.
10. Синецкий С. Б. Универсальные приоритеты и цивилизационные парадигмы культурной политики в XXI в. // Политика и культура: проблемы взаимодействия в современном мире: сборник статей. Будапешт–Кирилл, 2019. С. 8–17.
11. Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006>
12. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 6 (68). С. 24–30.
13. Флиер А. Я. Культурная атрибуция как метод исследования // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 139–144.
14. Флиер А. Я. Системный характер нормативной теории культуры // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 147–156.
15. Mazzucato M. The Value of Everything. PublicAffairs Books, 2020. 384 p.
16. Rosa H. Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of LateModern Temporality. Aarhus University Press, 2010. 111 p.
17. Rosa H. Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung. Berlin: Suhrkamp, 2016. 816 p.
18. Sun M. K-pop Fan Labor and an Alternative Creative Industry: A Case Study of GOT7 Chinese Fans // Global Media and China. 2020. Vol. 5. No. 4. Pp. 389–406.

References

1. Bakumenko G. V. Interdisciplinary potential of culturological attribution // Culturology in theories and practices: to the 30th anniversary of the Department of Cultural Studies of the Moscow State Pedagogical University. Moscow, 2022. pp. 50–61. (In Russ.)
2. Bakumenko G. V. Metatheoretical aspect of cultural studies // Cultural heritage – from the past to the future. Moscow, 2021. pp. 39. (In Russ.)
3. Bakumenko G. V. Value Dynamics of Symbols of Success: Based on Film Distribution Statistics. Moscow: Sam Polygraphist, 2021. 276 p. (In Russ.)
4. Bakumenko G. V., Luginina A. G. Virtualization of the Socio-Cultural Frontier “Tertius Romae” // Journal of Frontier Research. 2022. V. 7. No. 1 (25). pp. 265–293. (In Russ.)
5. Culture and cultural industries in the Russian Federation 2016–2018: Results of a comprehensive study / E. Safronov, N. Galiulova, A. Tikhonov [and others]. Moscow: InterMedia, 2019. 42 p. (In Russ.)
6. Culture and cultural industries in the Russian Federation: analytics 2018–2020. Results of a comprehensive study / E. Safronov, N. Galiulova, A. Tikhonov [and others]. Ed. 6th, rev. and additional Moscow: InterMedia, 2020. 88 p. (In Russ.)

7. Foreseeable challenges and threats to the national security of the Russian Federation and directions for their neutralization / A. F. Andreev, I. V. Bernatskikh, A. S. Bogdanov [and others]. Moscow: RGGU, 2021. 604 p. (In Russ.)
8. Putin announced an increase in the turbulence of geopolitical processes [Electronic resource]// Izvestia, June 23, 2021. URL: <https://iz.ru/1182870/2021-06-23/putin-zaiavil-o-vozhraščanii-turbulentnosti-geopoliticheskikh-protsessov> (In Russ.)
9. Regional cultural policy: Methodology, institutions, practices (value-normative approach) / I. I. Gorlova, T. V. Kovalenko, A. V. Kryukov [and others]. M.: Heritage Institute, 2019. 206 p. (In Russ.)
10. Sinetsky S. B. Universal priorities and civilizational paradigms of cultural policy in the XXI century. // Politics and culture: problems of interaction in the modern world: Sat. articles. Budapest; Kirov: B.I., 2019.pp. 8–17. (In Russ.)
11. Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030 [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420340006> (In Russ.)
12. Flier A. Ya. Cultural attribution as a research method // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2015. No. 6 (68). pp. 24–30. (In Russ.)
13. Flier A. Ya. Cultural attribution as a research method // Knowledge. Understanding. Skill. 2011. No. 4.pp. 139–144. (In Russ.)
14. Flier A. Ya. The systemic nature of the normative theory of culture // Knowledge. Understanding. Skill. 2019. No. 2.pp. 147–156. (In Russ.)
15. Mazzucato M. The Value of Everything. PublicAffairs Books, 2020. 384 p.
16. Rosa H. Alienation and Acceleration. Towards a Critical Theory of Late Modern Temporality. Aarhus University Press, 2010. 111 p.
17. Rosa H. Resonanz: Eine Soziologie der Weltbeziehung. Berlin: Suhrkamp, 2016. 816 pp.
18. Sun M. K-pop Fan Labor and an Alternative Creative Industry: A Case Study of GOT7 Chinese Fans // Global Media and China. 2020 Vol. 5. No. 4. pp. 389–406.

*

Поступила в редакцию 10.08.2022